

ANNE-GAËLLE HUON

Ce que les étoiles doivent à la nuit

Belles

nrf

GALLIMARD

Анн-Гаэль Юон

Чем звезды обязаны ночи

Роман

Перевод с французского

A large, stylized, dark blue signature of the author, Ann-Gaël Yoon, is centered on the page. The signature is written in a fluid, cursive script.

BELLES LETTRES

Москва, 2024

УДК 821.133.1
ББК 84(4)
Ю582

Переводчик Римма Генкина
Редактор АЛЕКСАНДРА ФИНОГЕНОВА

Юон, Анн-Гаэль.

Ю582 Чем звезды обязаны ночи: [роман] / Анн-Гаэль Юон ; Пер. с фр. —
М. : Альпина Паблишер, 2024. — 348 с.

ISBN 978-5-9614-8530-1

Говорят, что случайности не случайны. Именно в этом убеждается Лиз Клермон, молодой парижский шеф-повар. В ее ресторане, который вот-вот должен был получить первую мишленовскую «звезду», отравился посетитель, сотрудница подала жалобу, банк отозвал финансирование. Кажется, земля уходит из-под ног. Как раз в это время Лиз получает загадочное письмо из Страны Басков с приглашением приехать в Молеон. Тот самый, уже знакомый читателю по роману «Палома». И Лиз это приглашение принимает... В краю суровых гор, зеленых полей и неприступных замков она находит свои корни, обретает смысл жизни и понимает, что свет сияет ярче, когда вокруг сгущается непроглядная тьма.

УДК 821.133.1
ББК 84(4)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

© Éditions Albin Michel, 2021
International Rights Management: Susanna Lea
Associates

ISBN 978-5-9614-8530-1 (рус.)
ISBN 978-2-226-46200-8 (фр.)

© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2024

Моей дочери

«Минуты нежности то медленно тянутся,
то вдруг летят стремительно».

Ромен Гари

Бальтазар

Однажды летним вечером 1951 года моя жизнь переменялась... из-за зебры. Зебра в Стране Басков! Согласитесь, такое нечасто встретишь. Однако без этой зебры моя жизнь сложилась бы по-другому. Мне было двадцать лет. И я не сомневался, что еще покажу миру, на что способен.

Мой отец не мог и дня прожить без любимой газеты Sud-Ouest. Он утыкался в нее утром, подоив коров и выгнав их в поле. А потом и вечером, загнав коров в стойло. Неизменный баскский берет на голове, тонкие губы, почерневшие пальцы. Он прочитывал газету от корки до корки, от крупных политических заголовков до кроссворда на последней странице. Sud-Ouest была для него чем-то вроде молока к кофе. Без нее мир отца словно замирал, ничто другое его не интересовало. Даже я.

В то время мы с братом не вылезали из игорных заведений. И ни о чем другом даже думать не могли. Учеба, девчонки, даже отцовский «рено» — все меркло по сравнению с нашей страстью к картам. Мы играли ночи напролет.

Я бы и рад сказать, что выработал пару гениальных стратегий игры, но на самом деле мне на выручку, как правило, приходило шулерство — разные фокусы, которым обучил меня помешанный на магии дядя, хозяин магазинчика розыгрышей. С набитыми всякой «волшебной» всячиной карманами он каждое лето приезжал в Страну Басков, где его ждали как мессию. Он показывал мне свои любимые приемчики, а я упорно их отрабатывал. Трюки с мягкими шариками, платками, но главное — с картами. В те годы я еще не был асом, но ловкость моих рук принесла нам не один отличный улов. Да и Биарриц не был Вегасом. Ставили мы совсем небольшие суммы, потом прятали денешки и забирались на рассвете в «рено», не вызвав отцовских подозрений. Он умер бы со стыда, узнав, что мы не просто картежники, но еще и шулеры.

А потом случилось то, что должно было случиться. Один из его друзей застукал нас в казино — с сигаретами, зажатыми в зубах, мы делали ставку за ставкой, как подорванные. На следующее утро, когда мы проснулись, отец ждал нас за столом на кухне, вперившись в кружку кофе с молоком — запятнанную, как и его честь. Я похолодел.

— Выкладывайте, — произнес он, стиснув челюсти.

Брат ткнул меня локтем в бок. Шофером он был превосходным, но в остальном на него не стоило рассчитывать. Тогда я прибегнул к своему проверенному средству: я соврал.

— Мы были в казино, потому что...

Рядом с отцовской кружкой лежала газета.

— Потому что я должен написать статью.

Отец, скептически приподняв одну бровь, посмотрел на меня. А это случалось не так уж часто.

— Статью для Sud-Ouest, — продолжал я.

Он так и вытаращился.

— Кстати, если это всё...

Я встал, торопясь укрыться в своей комнате. Но отец остановил меня.

— О чем статья-то? — буркнул он.

Его лицо вплотную к моему. Запах сена и табака. Я весь сжался. Еще один взгляд на газету. На первой странице — снимок Биаррица. Скалы, казино, нависающие над океаном виллы.

— Ну... о...

Маловато, чтобы он отстал. Мне нужен был сногсшибательный сюжет. Такой, за который действительно ухватилась бы Sud-Ouest.

— О званных вечерах у маркизы, — лихо заявил я.

Молчание. Отец так и поедал меня глазами. У меня перехватило дыхание. Я мысленно проклинал себя за слова, что сорвались у меня с языка. «У маркизы»? А почему не у папы римского, если уж на то пошло? Во что я ввязываюсь? Влипнуть в такую историю, это ж додуматься надо! Никто никогда не писал статей на эту тему. И никогда не напишет.

Отец сунул руку в карман вязаной кофты. Достал табакерку. Привычным жестом, не спуская с меня глаз, сунул сигарету в губы.

— О вечерах у маркизы... — повторил он, чиркая спичкой.

Раскинувшись на холмах Биаррица, вилла маркизы нависала над океаном. Недоступная. Вызывающая жгучее любопытство. Скорее дворец, чем вилла, на самом-то деле. Тамошние приемы обсуждали даже в Париже, но оставались тайной, покрытой мраком. Поговаривали, что их хозяйка ослепительнее звезды. Некоторые утверждали, что туда нельзя являться без маски. Другие клялись, что видели там вольно гуляющих диких животных. Летними вечерами огни фейерверков с виллы отражались в Бискайском заливе. Ворота виллы распахивались разве что перед министрами, всякого рода светилами, звездами кино, кутюрье и художниками. Я же был никто. Какого черта я вообще это выдумал?

Отец длинно затянулся окурком. Молчание сгустилось. Мое сердце колотилось так, что, казалось, сейчас вырвется из груди.

— Так ты теперь журналист?

Я бросил школу пять лет назад, заверив родителей, что знаю достаточно, чтобы зарабатывать себе на жизнь. С тех пор я поработал расклейщиком афиш, чистильщиком обуви и продавцом пирожков. Почему бы теперь не стать журналистом. Я изложил убедительную версию своего призвания и судьбы. Смятение окрылило меня. Отец выслушал мой рассказ, не моргнув глазом.

— Не терпится прочитать, — в конце концов бросил он.

В его глазах мелькнуло что-то похожее на гордость. Или это был сарказм? Я и сейчас затрудняюсь ответить. В тот день я предпочел поверить первому впечатлению. И пообещал себе не разочаровать его. Я отвел себе неделю, чтобы написать статью. Нечто скандальное, поразительное, невиданное! Я все разузнаю об этой маркизе. Скоро и о ее вечеринках, и о ее гостях будут знать все. У меня не было ни малейшего представления, как к этому подступиться. Но чтобы произвести впечатление на отца, я был готов на все. На все, но только не на встречу с ней.

1

Что на меня нашло, как я очутилась здесь?

Этот номер я забронировала совершенно спонтанно. Маленькая гостиница, затерянная в Стране Басков. «Да, с завтраком. Нет, здешних мест я не знаю». Этот разговор стал первым проблеском адекватности после двух месяцев слез и кошмаров. И был так же неправдоподобен, как то странное письмо, с которого все началось. Длинное послание, которое я прочла, пребывая почти в отключке, напичканная транквилизаторами. Я до сих пор с трудом в него верю.

В обычное время я не обратила бы на него внимания. Мне каждый день приходило множество писем от совершенно чокнутых поклонников. Признания в любви, предложения руки и сердца, кулинарные рецепты... Нана складывала их на столик, предварительно изъяв наиболее оскорбительные. Женщина, высказывающая свое мнение о чужой готовке, — кто от такого не взбесится. В конце концов я перестала

обращать внимание. Ну, по крайней мере, я так думала.

Это письмо венчало гору прочих по соседству с обувной коробкой, где лежала пара эспадрилий, на которых было вышито мое имя. В нем некая пожилая дама утверждала, что знала мою мать. Мою мать, которая твердила всем, кто был готов ее слушать, что «настоящая семья — это та, которую ты выбрал себе сам». Мою мать, у которой не было ни прошлого, ни будущего. Интересно, из-за отчаяния или из-за нежности, которая, как мне почудилось, сквозила между строками письма, я бросила все, чтобы приехать? Понятия не имею.

Дверь ванной распахнулась, выпустив облако пара вместе с волной запаха лака для волос и духов. Шуршащее платье. Мельтешение бус. Лицо Наны освещает ее забавная асимметричная улыбка. Спокойный взгляд, морщинки в уголках глаз. Мое сердце сжимается. Почему она последовала за мной в эту дыру? Она не задала ни единого вопроса. Как всегда. Достаточно мне обронить больше трех слов подряд и выразить какое-то пожелание, этого хватает с лихвой. Отъезд из Парижа пойдет мне на пользу, повторяла я про себя, пытаюсь набраться мужества. Пусть на некоторое время обо мне забудут — после трагедии и последовавшего за ней скандала.

Все произошло слишком быстро.

Я открыла «Роми» шесть лет назад. Ресторанчик на Монмартре, зал максимум на пятнадцать персон.

Я решилась очертя голову, несмотря на истерические вопли коллег. «Молода еще! И вообще, ты женщина!» — повторяла я их слова, но не придавала им значения. И у меня получилось. Я вкладывала в ресторан всю себя, жертвуя сном, сбережениями, здоровьем. И романами тоже. В «Роми» была вся моя жизнь.

В профессиональных кругах ходили упорные слухи, что в этом году у меня есть шансы на «звезду» «Мишлен». Напекали даже, что остались простые формальности. Тогда бы я стала одной из самых молодых шеф-поваров, имеющих право носить эту «звезду» на фартуке. Именно поэтому со мной связались продюсеры шоу «Колпак шеф-повара», и я стала членом жюри телеконкурса, любимого всеми французами.

До скандала оставалось два месяца. Пищевое отравление. Плюс жалоба одной из работниц на домогательства и жестокое обращение. Перебор для одного вечера, должна признать. Моя звезда закатилась.

Далее началось медленное сошествие в ад. Закрытие ресторана. Журналисты, падкие на скабрзные подробности. Свидетельские показания моей команды, в которых я выглядела неуравновешенной психопаткой. Немедленный разрыв контракта с телеканалом. И, разумеется, отказ банка в финансировании. С того времени я — лишь выжженное поле. У меня больше ничего нет. И сама я — никто.

Смотрю на конверт. «Роза да Фаго, дорога на Шерот». Ничего себе адрес! И с чего мне вздумалось встретиться

с ней? Я вовсе не обязана, так что могу еще вернуться в Париж и забыть обо всей этой истории. Нет. Мы проделали слишком долгий путь. И я притащила Нану в эту забытую Богом гостиницу. Мысль, что некая Роза была знакома с моей матерью, глубоко потрясла меня. После ее смерти я цепляюсь за любую мелочь. Не проходит недели, чтобы я не увидела, как Роми заворачивает за угол в каком-нибудь переулке. Ни одного дня, чтобы я не слышала ее смех.

Нана встает и, словно умеет читать мои мысли, протягивает мне куртку. Я еще сомневаюсь, но потом иду вслед за ней. В конце концов терять мне больше нечего.

2

Дверь открывается, в проеме появляется миниатюрная дама с коротко стриженными седыми волосами. Выразительное лицо, от которого веет неожиданной решимостью. И взгляд больших темных глаз, заставляющий меня потупиться. На ногах у нее эспадрильи. Вокруг тонких щиколоток обвиваются алые атласные ленты, перекликающиеся с великолепной брошью на корсаже, которая, в свою очередь, идеально сочетается с шикарной юбкой-брюками. Коко Шанель на фоне пасторали. В свои девяносто Роза да Фаго выглядит потрясающе стильно.

Увидев меня, она замирает на месте. И выдыхает:
— О Боже...

По ее щеке катится слеза. Она берет мои ладони в свои. У нее сухие руки, изуродованные артрозом. Руки, прождавшие целый век до этого момента — момента прикосновения. Я должна что-то сказать, но что? Невозможно подобрать слова, чтобы передать то, что сейчас происходит у меня внутри. Забытое, пришедшее издалека чувство.

— Здравствуй, Лиз.

Ее голос звучит тепло и успокаивающе. Это приветствие действует на меня как видение острова после долгих недель дрейфа в открытом море.

— Спасибо, что приехала, — говорит она, не выпуская моих рук.

Взгляд ее влажных глаз ласково овладевает мною, ее искренность обезоруживает. Я обращаю внимание, что у нее чуть замутнены хрусталики глаз — печать возраста. Печать уходящего времени. Неясная тоска поднимается во мне из глубины души. Смутное воспоминание? Не хотелось бы в это верить.

— Я так счастлива тебя видеть. Тебе все это может казаться странным, я...

Ей не удастся закончить фразу. Чувства переполняют ее. Она извиняется, достает из кармана платок.

В конце концов мы с Наной идем за ней следом. Мощный двор, из него открывается вид на более внушительное здание, скрытое от посторонних глаз. В центре двора — статуя полуобнаженной женщины с округлыми бедрами и кувшином в руке. Все это ни о чем мне не говорит.

Вдруг — музыка, смех. Роза распахивает дверь, и мы оказываемся в чуть обветшалой, но уютно обставленной комнате. На стенах десятки черно-белых фотографий. На одной из них четыре нарядно одетые женщины окружают гиганта с эбеновой кожей и перламутровой улыбкой. Среди них Роза — цветущая красotka лет сорока,

с лукавыми искрящимися глазами. А моя мать? Она тоже есть на фотографиях? Я не осмеливаюсь слишком внимательно разглядывать их.

В самой гостиной за низким столиком ведут оживленный разговор несколько женщин. Играет легкий джаз. Обволакивающая атмосфера. Тут и там стоят зажженные свечи. Увидев нас, женщины замолкают.

— Позвольте представить вам Лиз... — говорит Роза.

Ее голос дрожит. Она вытирает щеку и добавляет с взволнованной улыбкой:

— А это...

— Нана, — подсказываю я.

Две дамы за шестьдесят, похожие как две капли воды — близняшки? — синхронным движением поправляют очки. Ни дать ни взять пара неразлучных сыщиков из древней комедии с Кэри Грантом. При иных обстоятельствах это вызвало бы у меня улыбку, но сейчас я словно в ступоре. Перспектива беседы с престарелой дамой и так меня не вдохновляла, а уж с целой компанией...

Делай ноги. И побыстрее.

— Господи! — перекрестилась одна из близняшек. — Но вы ведь...

Она не успевает закончить — ей на плечо прыгает крошечный зверек. Обезьянка? Я подсказываю на месте, она вскрикивает.

— Господи, Свинг! — восклицает она, хватаясь за сердце.

Зверек разглядывает меня, грызя ягоду клубники.

Роза предлагает мне сесть, и я опускаюсь в кресло. Под ногами пестрый марокканский ковер, странным образом напоминающий мне тот, который лежал в нашей парижской квартире. Я снова вижу сияющую Роми, разворачивающую рулон, который займет всю гостиную. «Кому могло прийти в голову выбросить такую прелесть?» — удивляется она с улыбкой, способной совратить и ангела.

Этот дом совершенно не похож на то, как я представляла себе жилище старой дамы. В воздухе витает веселая ностальгия. Эта гостиная в свое время была местом грандиозных вечеринок — судя по разнокалиберным предметам мебелировки. Концертный рояль. Люстра с подвесками. Сундук, из-под крышки которого торчит боа из перьев. На старом граммофоне чаша, заполненная пробками от шампанского. На ветках большого филодендрона нить разноцветных жемчужных бус. А рядом с широким деревянным некрашеным столом, окруженным барочными стульями, чучело какаду словно ожидает, когда ему подадут угощение.

Я замираю от изумления. Но лишь на несколько секунд, не больше. Потом я внутренне улыбаюсь. Мне кажется, что я вижу посреди этой комнаты мать. Руки на клавишах рояля. Боа вокруг шеи. Как можно представить, что она выросла в иной обстановке, кроме вот такой? И тогда, под взглядом экзотической птицы, во мне рождается странное ощущение, что я наконец вернулась домой.

Бальтазар

Я пытался рассмотреть виллу со стороны пляжа. Особняк с розовым фасадом и большими створчатыми окнами... Райский уголок в стиле ар-деко, которым можно было любоваться только с моря. Как же туда пробраться? После разговора с отцом этот вопрос не давал мне покоя.

Спустя несколько дней я прознал, что на вилле идет подготовка к очередному приему. По дороге-серпантину, ведущей к дому маркизы, один за другим шныряли грузовики. Я обошел всех своих знакомых в кафе при игровых домах, обещая хоть луну с неба, хоть деньги, которых у меня не было, любому, кто сумеет меня туда провести. Все впустую.

Но я не сдавался. Я сменил баскский наряд на костюм-тройку, сшитый по последнему слову моды. Так, во всяком случае, утверждал одолживший мне его знакомый. Но на самом деле теперь я напоминал недоделанного гангстера. Костюм был белый в полоску. Пиджак коротковат в рукавах, брюки широковаты и слишком

свободны в бедрах. Намного позже она мне скажет, что именно это ее во мне и привлекло. Она всегда любила антигероев. Оригиналлов. Неудачников. И добавит: «Особенно когда они попадают в яркий свет прожекторов». У нее была такая манера выражаться: я не всегда понимал ее, но неизменно соглашался.

Вечером я двинулся в гору пешком, в шляпе и с пиджаком под мышкой. Воздух был спертый, дорога крута и извилиста. Туфли натерли мне ноги. Меня обогнал автомобиль. Затемненные стекла, сверкающий кузов — махина неслась на всех парах в туче насекомых, поднимая пыль. Про себя я молил: вот бы какая-нибудь машина притормозила, и меня предложили подвезти. Я думал: *следующую я точно останавлию* — но машина проносилась мимо, а я не осмеливался поднять руку и продолжал взбираться в гору на своих двоих. Тяжесть новенького блокнота в кармане придавала мне мужества. Своей лучшей ручкой я написал на первой странице собственное имя. Хотел там изложить и первые журналистские впечатления, но пока мне ничего не приходило в голову.

Наконец за очередным поворотом послышалась музыка. Показались верхушки деревьев, позолоченные солнцем. Вилла маркизы!

Вообще-то я везучий, надо только держать нос по ветру. Я надел пиджак, разгладил поля шляпы, приблизился к огромным воротам и для храбрости закурил. Через секунду открылась сторожка, на пороге возник

приземистый тип в фуражке, с приплюснутым носом и физиономией в шрамах. Такие шутить не любят.

— Чем-то помочь? — процедил он, не выпуская из рта зубочистки.

Я напустил на себя непринужденный вид, приличествующий репортерам Sud-Ouest, когда их одолевают расспросами.

— Я жду друга.

Ее разбирал неудержимый хохот каждый раз, когда я описывал эту сцену, хотя она и считала мои попытки изобразить Марселя далекими от совершенства.

Этот самый Марсель, чье имя я узнал намного позже и который так никогда и не проникся ко мне теплыми чувствами, окинул меня взглядом с ног до головы.

— Ну и как звать друга?

Я не успел ответить. Подкатил новый автомобиль, его длинному желтому капоту так подходил чарующий рокот мощного мотора. На переднем сиденье красовался шофер в ливрее, куда элегантнее меня, отчего я невольно скривился. А на заднем — три неотразимые дамы, тонущие в головокружительном смещении перьев, стразов и шляпок. В крайнем возбуждении они радостно щебетали, попивая шампанское. Одна из них махнула бутылкой в мою сторону.

— Твое здоровье, красавчик! Как тебя зовут?

Я покраснел, за что готов был проклясть себя, но, к счастью, было уже темно. Шофер протянул

Марселю визитку, тот согласно мотнул подбородком. Ворота открылись.

Я был ослеплен.

В конце аллеи, обрамленной апельсиновыми деревьями, тысячью огней сверкал особняк. В глубине парка столетних деревьев две монументальные лестницы вели к террасе, на которую выходили огромные сияющие окна. Розовый фасад отражался в водной глади, окруженной пальмами, цветами и фонтанами. Музыка стала громче, слышались смех, возгласы, шум голосов. Вот какое-то животное пронеслось по лужайке — но ворота уже закрывались.

— Я с ними! — крикнул я Марселю, устремляясь вслед за машиной.

Но охранник преградил мне путь и угрожающе выставил челюсть вперед.

— А ну-ка, уберись отсюда!

Я не считал себя смельчаком. Конечно, я шалопай, но не отчаянный. Проямлив: «Конечно, мсье, всего доброго», — я отправился восвояси.

Я был ошеломлен. То небольшое, что я успел увидеть во дворце маркизы, удесятерило мое желание узнать больше. И дело было не только в статье. Меня пленили те три богини в перьях.

Я долго пробирался вдоль ограды в надежде отыскать какую-нибудь дыру, лазейку, дерево, по которому я смог бы забраться внутрь. Все напрасно. Парк был огромен и выходил на скалистый обрывистый берег.

Внизу лежал океан, похожий на мятую ткань, освещенную полной луной.

Вдали послышались раскаты грома. Сейчас или никогда. Я проберусь по скалам! Пиджак я обвязал вокруг талии — мне нужны были свободные руки, потому что туфли предательски скользили по водорослям. Я перепрыгивал с камня на камень, удерживаясь, как мог, на ногах и стараясь не думать о тянущей меня вниз пустоте. Любой неверный шаг мог стать смертельным — скалы не прощают ошибок.

Вдруг поднялся ветер, и я потерял равновесие. Спина выгнулась, нога скользнула в пустоту. Я наверняка свалился бы, если бы не выступ, в который я вцепился в последний момент. Сердце рвалось из груди. На бедре кровоточила ссадина. Я еле сдержался, чтобы не выругаться в голос. Мне еще придется платить за этот паршивый костюм, который я больше никогда не надену. Когда меня перестало трясти, я обрадовался. Моя вылазка обретала очертания настоящего приключения. В голове уже роились цветистые фразы, которыми я буду живописать эту эпопею в газетной передовице.

В конце концов я добрался до самой темной части парка. Шум далекого прибоя смешивался со стрекотом сверчков и тихим журчанием фонтанов. Воздух наполнил чудесный запах — тонкий аромат цветов, которые, должно быть, распускались с наступлением ночи, как в садах султана. Поистине сказочный аромат.

Вдруг упала дождевая капля. Потом вторая. За ними последовал порыв ветра, снова едва не сбивший меня с ног. Я набросил пиджак на пики ограды и полез через решетку. Сверкнула молния. Гроза обрушилась на меня с неожиданной яростью. Сквозь струи воды я разглядел какую-то беседку. Пока я туда добежал, успел промокнуть до нитки. С несчастного костюма текла вода, шляпа превратилась в бесформенную губку. Я походил на клоуна — пародия на репортера с размокшим блокнотом. Но, черт возьми, у меня получилось!

3

— Итак, вы знали мою мать?

Гости ушли, в доме тишина и покой. Роза кивает и протягивает мне дымящуюся чашку с чаем.

— И твою мать, и бабушку тоже. Колетт была мне как сестра. Мне так жаль, что она не видит тебя сейчас! Она бы гордилась тобой.

Колетт? Это имя мне ничего не говорит. Взгляд Розы затуманивается. Я молчу и внимательно ее слушаю. За окном непроглядная ночь, различаются только причудливые очертания больших деревьев.

Роза выросла в этом доме. В окружении женщин ярких, свободных и увлеченных, любивших мужчин почти так же, как шампанское. Когда-то она была хозяйкой мастерской по изготовлению эспадрилий, известной в весьма взыскательном мире парижской моды. Там работали женщины, которым она помогала найти свою дорогу в жизни. С той поры дело перешло в другие руки. Но сохранилась традиция принимать тех, кто

нуждается в убежище, тепле, очаге — на несколько дней, а порой и лет.

— Бедняжки, — грустно улыбается Роза. — Женщины, которых жизнь не щадила.

Таких набралось немало, и они обосновались в деревне, как и те сестры-близняшки, чей дом располагался через дорогу. Маленькая дружная женская община, время от времени собиравшаяся на совместный ужин. Иногда в честь дня рождения одной из них дамы принаряжались — в память о лучших временах. Роза, конечно, постарела, но на сердце у нее не было ни морщинки.

Она прерывает свой рассказ, боясь, что утомила меня. Рядом с нами прикорнула на диванчике Нана, свернувшись под старой шалью, словно маленький ребенок.

— Среди этих женщин, — продолжает Роза, — росла твоя мать.

Она берет фоторамку с круглого столика и протягивает мне. На снимке девочка-подросток с беспокойным взглядом позирует, стоя у рояля.

— Ты так на нее похожа, — добавляет она.

Я отвожу глаза.

— Ей едва исполнилось двадцать лет, когда она уехала, — продолжает Роза. — Она хотела стать певицей. И попросила нас позаботиться о тебе.

Оторопь.

— Она оставила меня здесь?

Роза кивает. Поверить не могу. Я же была еще совсем маленькой! Как она могла меня бросить? Желудок сводит судорогой.

— Тебе было четыре годика, когда она вернулась за тобой. И больше мы тебя никогда не видели.

Пауза. По взволнованному голосу Розы я понимаю, что сердце у нее просто разрывалось в тот день, когда наши дороги разошлись.

В последние годы Роми постоянно тревожилась за нас. Твердила, что за ней следят, что кто-то хочет навредить нам. Откуда у нее взялись эти мысли? Понятия не имею. Но она никогда не говорила со мной о Стране Басков, о Розе и уж тем более о том, кто был мой отец или моя бабушка. «Наша семья»? — презрительно восклицала она всякий раз, когда я осмеливалась затронуть эту тему. — Кому вообще нужна семья? Ты и я — это уже много».

— Мы сбились с ног, пытаюсь тебя отыскать. Безуспешно. Вы с Роми словно испарились. И так оставалось до тех пор, пока два года назад я не наткнулась на твою фотографию в одном журнале. Тогда я тебе и написала, хоть и без особой надежды.

Она улыбается. Ее лицо светится искренней радостью. Доброжелательность, лучащаяся в ее глазах, располагает к доверию. И я рассказываю о своем детстве в Париже рядом с Роми. Мы вдвоем против всего мира. Дни, полные то смеха, то уныния.

Роза удрученно качает головой. Мать была больна, она всегда это знала.